

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81

Враймуд И.В.

*Институт иностранных языков
Российского университета дружбы народов*

ГРАФОСЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА*

I. Vrijmoed

Institute of Foreign Languages, People's Friendship University of Russia

GRAPHICAL SEMIOTIC MODEL OF THE LINGUISTIC SIGN

Аннотация. Статья посвящена феномену языкового знака, его структуре. Приведён анализ различных моделей языкового знака, выделенных российскими и зарубежными лингвистами. Предложен новый вариант представления данного феномена, рассматриваемого в соотношении с категориями лингвистики, семиотики и психологии.

Ключевые слова: знаковая природа языка, языковой знак, структура языкового знака, графосемиотическое моделирование.

Abstract. The present article is devoted to the study of such phenomenon as the linguistic sign, its structure. The article reviews and analyzes some well-known schematic representations of the linguistic sign as well as represents a new one where the phenomenon under examination is taken with consideration of its linguistic, semiotic, and psychological aspects.

Key words: the sign-oriented nature of language, the linguistic sign, the structure of the linguistic sign, graph-semiotic simulation.

Само понимание природы языкового знака и его свойств зависит, прежде всего, от того, насколько учитывается триединство мира, человека и языка, единство объективного и субъективного, отражения и обозначения.

Л.Г. Зубкова.

С давних времён люди пытались понять природу языка, разгадать феномен языкового знака. При этом философы, лингвисты и логики часто прибегали к использованию геометрических фигур. Уже стоики эллинистической поры выделяли в языковом знаке означающее как «воспринимаемое» и означаемое – как «понимаемое» [Мечковская Н.Б., 2004, 24]. Таким образом, сущностной графической формулой знака стал треугольник (схема 1).

Первой, получившей широкое распространение, графической моделью знака стал так называемый «семиотический треугольник» Symbol (слово) – Thought (понятие) – Referent (вещь), появившийся в 1923 г. в книге «Значение значения» американских семасиологов Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса (сх. 2). Этот треугольник отражает известное уже со времён Средневековья положение о том, что форма языкового выражения обозначает 'вещь' посредством

* © Враймуд И.В.

‘понятия’, ассоциируемого с формой в умах говорящих на данном языке (данная модель приводится по: [Crystal D. 2000, 101]).

В «логическом треугольнике» немецкого логика и математика Г. Фреге, представленном в его работах конца XIX в., графическое представление (схема 3) включает в себя знак (Form), денотат (Bedeutung) и концепт (Sinn), под которым понимается, с одной стороны, информация, которую несёт знак, а с другой – сумма знаний об обозначаемом этим знаком объекте [Фреге Г., 1997, 352-379].

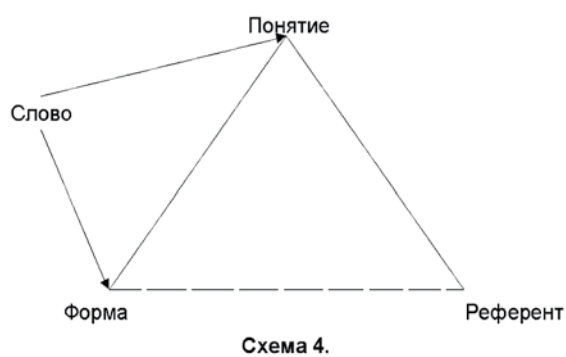
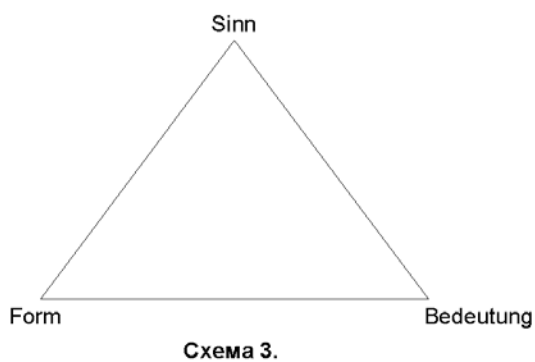
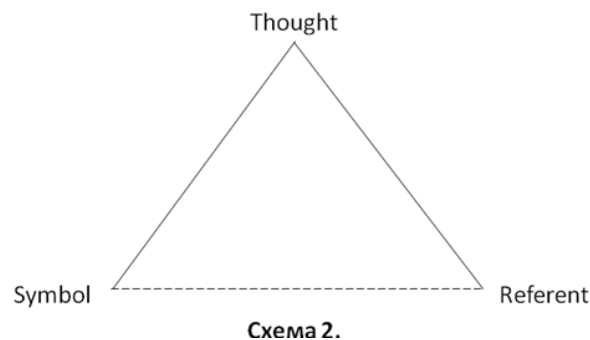
Дж. Лайонз, известный британский лингвист (XX в.), в своей модели подчеркнул двусторонний характер слова [Лайонз Дж. 1978, 428] (сх. 4).

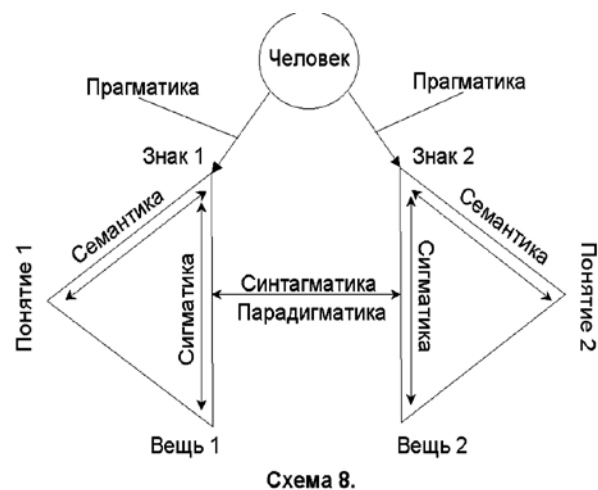
Графическая модель известного советского языковеда В.А. Звегинцева обращает внимание на парадигматику знака, поскольку она учитывает соотнесённость слова с другими словами в системе [Звегинцев В.А. 1957, 146] (сх. 5).

Фердинанд де Соссюр, выдающийся швейцарский лингвист XX в., в своей теории обосновал знаковый характер языка. Учение о языке как системе знаков, выражающих понятия, занимает важное место в его лингвистической концепции. Для Соссюра *языковой знак* – это противопоставленная двусторонняя психическая сущность: «означающее» (акустический / графический образ) и «означаемое» (понятие), т.е. это знак психический [Соссюр Ф. 2004, 78].

В модели, которую предложил известный лингвист Л.А. Новиков [Новиков Л.А. 2003, 176], мы видим уже не треугольник, а трапецию (сх. 7). В данной модели разграничивается *понятие* и *лексическое значение* (как и в модели Звегинцева), а также, помимо *знака внешнего* (используемого во внешней речи), выделяется *знак внутренний* (с помощью которого человек думает).

Л.А. Новиков предложил ещё одну модель, которая синтезирует все виды отношений,

образующих структуру знака: *семантику*, *синтактику*, *прагматику* и *сигматику*. Приведём модификацию этой модели, рассмотренную Кобозевой [Кобозева И.М. 2000, 49] (сх. 8).

Тогда как же в семиотике можно представить языковой знак в наиболее полном и компактном виде?

Предлагаемая нами модель (см. сх. 9) представляет *базисный* [Соломоник А. 1995, 30] *языковой знак, слово* (на схеме – «Знак») как двухуровневое образование, что отражает основное свойство языкового знака, а именно: с одной стороны, знак принадлежит языку (внутренний прямостоящий и средний опрокинутый треугольники схемы), а с другой – связан с внеязыковой действительностью, фрагмент которой он называет и на который указывает (внешний треугольник сх. 9).

Благодаря такой организации наша модель учитывает и представляет как внешние связи языкового знака, так и его внутренние связи.

Внешние связи языкового знака – это его связь с объектом, на который он указывает, и его отношения с пользователями (то есть те элементы, которые на схеме расположены дальше от самого знака). Поэтому в первой из трёх вершин внешнего треугольника мы помещаем *человека*, который и делает знак *знаком* (на схеме – «Человек»). Две оставшиеся вершины внешнего треугольника отданы *объекту*. Как видно из схемы, мы «развели» 'объект', представив его как: 1) '*объект реальный*', т. е. то, что реально существует в материальном мире (это предметы, их свойства, ситуации...) и 2) '*объект идеальный*', как всё то, на что может указывать знак, но что реально в предметном мире не существует (к

примеру, математические абстракции, литературные герои...). Сюда же относятся и понятия о видах, классах объектов реального мира, являющиеся идеальными моделями того или иного класса реальных объектов. За 'объектом идеальным' на сх. 9 находится 'идеальный мир', который следует понимать как мир, создаваемый человеком дополнительно к реальному. Человек, активно отражая мир в понятиях, суждениях, моделях, концепциях, теориях и т. п., создаёт идеальный мир, являющийся отражением мира реального, но также и внутреннего мира самого человека, его фантазий, продуктов его творческого воображения и т. д.

Нам также следует обратить внимание на ещё один вид объекта – это сам человек в том случае, когда он изучает самого себя, т. е. когда субъект и объект совпадают. В таком случае, чтобы быть более точными, нам следует говорить об особом виде объекта, а именно: об 'объекте психическом', под которым надо понимать элемент содержания сознания человека, доступный этому человеку для наблюдения благодаря самосознанию.

Таким образом, из сх. 9 видно, что все измерения внешнего треугольника задействованы, а соответствующие им виды объектов *внеязыковой* действительности нами отмечены.

Н.Г. Комлев, приводя в своей книге классификацию объектов, выделяет в отдельную группу 'объекты языкового характера', которые появляются, когда язык выполняет свою

метаязыковую функцию, т.е. когда используется металексика, обозначающая языковые факты [Комлев Н.Г. 2003, 84]. Однако в таком случае то, на что указывает знак, *относится уже к иной реальности – языковой*. А в связи с этим теперь мы перейдём к рассмотрению внутренних треугольников нашей модели, которые и представляют действительность языковую.

Итак, *внутренняя структура знака* может быть представлена как состоящая из трёх, ближайших к знаку, элементов, которые мы видим в вершинах внутреннего прямоугольного треугольника на сх. 9:

- 1) *внешняя форма знака* (звуки, буквы...);
- 2) *всёобщее содержание знака* [Враймуд И.В. 2009, 43] (определяем вслед за А.А. Потебней) как ту информацию, которую связывают с данным словом все носители языка, так как знание этой связи между формой и содержанием слова входит в знание языка [Потебня А.А. 1958, 36];
- 3) *понятие о содержании знака*, связанное с понятием об акустической / графической форме знака в сознании пользователя – что представляет собой *знак по Соссюру*.

Поясним, что термин 'понятие о содержании знака' следует понимать, как 'означаемое' по Соссюру, поскольку Соссюр понимал его широко и включал сюда не только само понятие, как нечто логическое и точное, но и представление и ощущение. Однако не следует путать понятие о вещи, которое свойственно предметному мышлению, с понятием о понятии, которым оперирует словесное мышление, т. е. прежде всего, речь идёт не о понятии, отражающем вещь, а о *понятии, фиксирующем содержание знака*.

Итак, отметим, что мы разделили 'понятие о содержании знака', как то, что существует в уме индивида, и 'содержание знака' – как то, что принадлежит знаку и системе. К этому следует относиться как к антиномии «содержание – понятие» (антиномия того же порядка, что и антиномия *языка и мышления* Гумбольдта).

На сх. 9 *знак* как элемент абстрактной системы представлен соотношением 'Внешняя

форма' – 'Всеобщее содержание' – 'Язык-система'. Здесь же мы представили ещё одно семиотическое понятие, относящееся к языку как системе – *ценность* знака, термин, введённый Ф. де Соссюром. Согласно Соссюру, ценность знака определяется в сравнении с другими элементами системы [Соссюр Ф. 2004, 114], поэтому мы разместили её между знаком и другими знаками системы (на схеме: *Ценность, Знак – Другой знак, Язык-система*).

Языковые знаки способны соединяться друг с другом в речи. А потому на нашей модели мы также представили и *сочетаемость* нашего знака (на схеме: *Сочетаемость, Знак – Другой знак, Язык-речь*).

Итак, мы рассуждали о знаке как об элементе виртуальной системы. Это состояние знака следует отличать от знака в семиозисе. Отметим, что на сх. 9 можно наблюдать и *знак в действии* (*Знак'*) – конкретный случай употребления этого знака в речи конкретного человека. Обратим внимание на то, что нижняя часть модели (*Человек – Знак' – Партнёр реальный*) представляет собой схему процесса коммуникации. По сути, это *схема речевого акта*, разработанная Соссюром [Соссюр Ф. 2004, 37]. Таким образом, в предложенной нами модели отражено, что, с одной стороны, языковой знак является единицей языка-системы, а с другой – то, что в речевой деятельности функционирует конкретная реализация данного знака.

Анализируя речевой акт, следует отметить, что сегодня в семиотике выделяются три типа собеседников [Агеев В.Н. 2002, 12-13]. Наша модель позволяет нам представить эти типы следующим образом: прежде всего, мы выделяем *реального партнёра* (на сх. 9 – «*Партнёр реальный*»), который может быть как подлинным субъектом (другим человеком), так и субъективированным объектом (к примеру, персонифицируемым животным). Кроме того, человек может вступать в общение с художественным образом, с образом отсутствующего человека, и тогда нам следует говорить об *идеальном партнёре* по коммуникации (на сх. 9 – «*Партнёр иде-*

альный»). И, наконец, возможны ситуации самообщения, когда человек (на схеме – «*Человек*») вступает в общение со своим «Я», которое следует отнести к некоему *психическому* образованию. Для каждого случая можно проследить и соответствующую цепочку акта коммуникации (как это было сделано выше для первого случая (*Человек – Знак' – Партнёр реальный*)). Кроме этого, мы видим на нашей схеме и звено линейно разворачивающегося во времени сообщения, строящегося из дискретных языковых элементов – нашего знака и двух других знаков (предшествующего и последующего): *Другой знак – Знак' – Другой знак* (где предшествующий знак уже отошёл в прошлое, наш актуальный знак соответствует текущему моменту времени, а последующий знак принадлежит будущему).

В своей книге «Значение и означивание» Ч. Моррис указал на важность для семиозиса ещё одного фактора, а именно – *контекста*, поскольку в семиотике значение знака устанавливается с учётом его употребления [Семиотика: Антология 2001, 130]. Контекст – важное условие создания и понимания текстов, поэтому мы отмечаем этот фактор для знака в функционировании (на сх. 9 '*контекст*' помещён между '*знаком*' и '*речевой деятельностью*').

Продолжим рассмотрение сх. 9 и отметим, что в данной модели мы отразили и то, что язык как явление может быть представлен тремя аспектами – *языком, речью и речевой деятельностью* (на сх. 9 – треугольник «*Язык-система – Язык-речь – Речевая деятельность*»). В связи с этим поясним, что на сх. 9 под '*языком-системой*' мы понимаем язык как идеальную, абстрактную систему, код (система единиц и правил их комбинирования). '*Речь*' является материальной стороной реализации системы в виде совокупности текстов. А '*речевая деятельность*' трактуется как вид деятельности человека, направленный на производство и понимание текстов [Варпахович Л.В. 2003, 11].

К достоинствам модели, представленной на сх. 9 относится то, что она включила в себя все модели, рассмотренные в начале данной

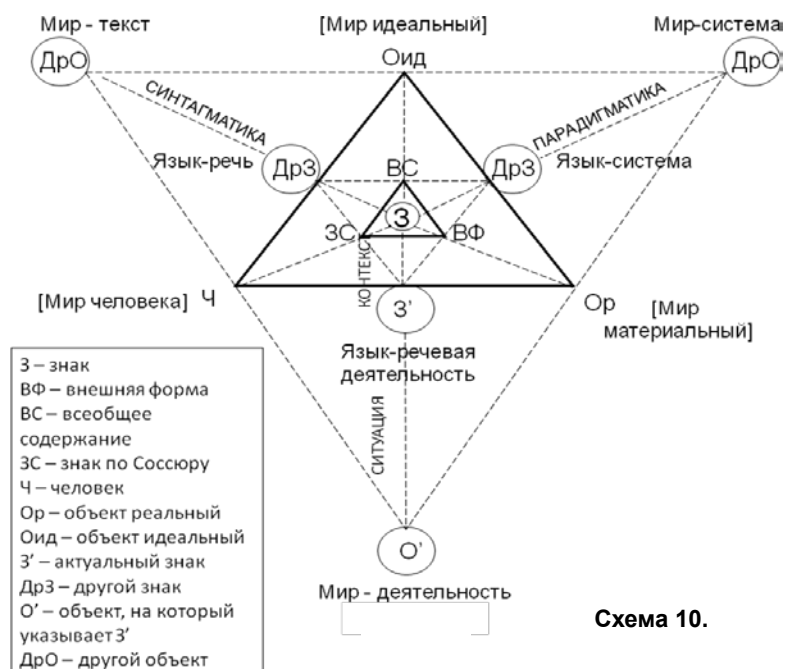
статьи, что даёт возможность сопоставить их между собой и лучше понять особенности каждой из них [Враймуд И.В. 2009, 48].

Хотелось бы отметить и то, что при построении нашей модели мы учли основные моменты, непосредственно касающиеся как языкового знака в частности, так и знака в целом. И прежде всего – то, что для семиотики знак является знаком только относительно человека, который его создаёт и им пользуется. Подчеркнём, что под *знаком* в семиотике понимается материально-идеальное образование, и главным в любом знаке является его способность через свою материальную форму нести в себе какую-то идеальную информацию. Кроме того, мы учли и основное свойство языкового знака: показав то, что, с одной стороны, знак принадлежит языку (два внутренних треугольника схемы), а с другой – что он связан с внеязыковой действительностью, фрагмент которой он называет и на которую он указывает (внешний треугольник схемы).

Из данного представления видно и то, что языковой знак выступает, с одной стороны, как элемент абстрактной системы, а с другой стороны, мы видим здесь и его конкретную реализацию (Знак') в конкретном речевом акте, произведённом конкретным пользова-

телем. Следовательно, наша модель отражает то, что знак принадлежит языку – явлению социальному, не зависящему от отдельного человека (треугольник «Знак – Язык-система – Язык-речь»), но реализующемуся в речевой деятельности отдельных людей (Человек – Знак' – Партнёр)), что представляет собой индивидуальный аспект знака.

Помимо прочих функциональных возможностей языковой системы, из анализируемой модели видно и то, что знак вступает в различные отношения (парадигматики, синтагматики) с другими знаками языковой системы (Знак – Другой знак) (см. сх. 9 и 10). При этом отношения между знаками могут отражать и отражают отношения между объектами внеязыковой действительности, на которые указывают эти знаки. Эти отношения (между объектами) человек постигает (или создаёт) в результате познавательной (или иной) деятельности, после чего эта информация переходит и в язык, выражаясь там как в отдельно взятых словознаках (в их внешней и внутренней форме), так и в отношениях между ними (Знак – Другой знак) [Враймуд И.В. 2009, 73]. Это обстоятельство мы также хотели бы отобразить в нашей модели, для чего нам придётся «нарастить» её (см. сх. 10).

Так, на сх. 10 мы видим языковой знак представленным не просто относительно отдельного объекта, который наш знак замещает, но и на фоне *внеязыковой действительности*, рассматриваемой нами как системы (на схеме – треугольник «O' – ДрО – ДрО»), одним из элементов которой является представляемый данным знаком З объект О. Таким образом, получается, что на сх. 10 мы представили *две параллельные системы*, одна из которых является *моделирующей*, а другая – *моделируемой*.

Таким образом, мы отразили на модели 10 ещё одно отношение нашего знака, а именно: его *отношение с другими объектами, с которыми связан объект, на который указывает данный знак* (на сх. 10 – «З – ДрО»). Кроме того, из данного представления мы видим и то, что знак З', обозначающий какой-то объект *внеязыковой действительности*, не только производится конкретным человеком (Ч) в конкретной речевой ситуации (на схеме – «КОНТЕКСТ»), но и указывает на конкретный объект О' в определённой практической ситуации (на схеме – «СИТУАЦИЯ»).

Итак, мы учли и представили в нашей модели *экстралингвистические* связи знака и сделали это достаточно детально, указав не только на отношения знака с пользователями и с замещаемым знаком объектом, но и на его отношения с другими объектами (на схеме – «З – ДрО»). При этом ничто не мешает нам использовать и отдельно лишь два внутренних – прямой и перевернутый – треугольника модели, относящихся к языковой реальности, если в каких-то случаях мы считаем нужным *принебречь* внешними, *экстралингвистическими*, связями языкового знака. Кроме того, мы можем представить подобным же образом и *другие уровни языка* (помимо базисного), как взятые по отдельности, так и в иерархическом порядке.

Таким образом, новизна предлагаемого нами представления языкового знака заключается в том, что знак рассматривается *в контексте своей знаковой системы*, но также и *с учётом другой системы, которую он моделирует* и информацию о которой он несёт, и, наконец, в том, что структура знака выстраивается от человека, который обуславливает само существование знаков и знаковых систем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агеев В.Н. Семиотика. – М., 2002.
2. Варпахович Л.В. Лингвистика в таблицах и схемах. – Мн., 2003.
3. Враймуд И.В. Графосемиотическое моделирование языковых явлений. – М., 2009.
4. Гируцкий А.А. Общее языкознание. – Мн., 2003.
5. Звегинцев В.А. Семасиология. – М., 1957.
6. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. – М., 2003.
7. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2000.
8. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М., 2003.
9. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М., 1978.
10. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. – М., 2004.
12. Потемня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958.
13. Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанова. – М., 2001.
11. Современный русский язык / Под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб., 2003.
14. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М., 1995.
15. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М., 2004.
16. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Opera selecta: Сб. науч. статей. – М., 1997. – Вып. 35.
17. Crystal David. The Cambridge Encyclopedia of Language-2nd edn. – NY, 2000.